

Михаил Милютин

Инструменты памяти: лаборатория мемуаров Андрея Болотова

Memory Tools: Andrei Bolotov's Memoirs Laboratory

The article discusses a range of issues related to the technological side of memoir writing. A comparative analysis of Andrei Bolotov's *Life and Adventures*, various manuscripts (especially autobiographical texts) and archival documents allows us to clarify and adjust the traditional view on Bolotov's memoirs as being created on the basis of diary entries; to reveal how some of the plots of his memoirs are primarily based on memories and to characterize them as manifestations of a communicative memory; and to evaluate which memory tools are most relevant for Bolotov (books, drawings, things), and how they occupy an intermediate position between personal remembering and documentary evidence.

Громадный как по охвату описываемого времени, так и по объему текста, мемуарный труд Болотова создавался на протяжении более 50 лет и представляет собой весьма неоднородное сочинение, как в плане содержания (воспоминания о собственной жизни соединяются с историческими очерками, моральными рассуждениями и отдельными заимствованиями из доступных Болотову сочинений других авторов), так и в отношении отбора материалов и технологии написания текста. Болотов-мемуарист был новатором и не имел перед собой

образцов избранного им жанра мемуаров частного лица: первые публикации мемуаров его соотечественников стали появляться на исходе первого десятилетия XIX в.¹, когда воспоминания Болотова уже были в значительной степени

¹ Примерно тогда же Болотов познакомился и с *Записками* И. В. Лопухина, единственными русскими мемуарами, о которых он специально сообщает (см. ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 53, л. 73). В период начала работы над своими мемуарами Болотов, по видимому, вообще отрицательно относился к возможности сделать воспоминания о частной жизни достоянием публики (Тартаковский 1991: 95–96; ср. Веселова 2002).

написаны, и работа над ними приобрела регулярный и законченный характер. Нет оснований считать, что Болотов в этом случае устойчиво ориентировался на иностранные образцы: судя по сохранившейся информации о составе его библиотеки, мемуары частных лиц в ней отсутствовали², среди иностранных сочинений, упоминаемых самим Болотовым, к воспоминаниям можно отнести только сочинения Фридриха II, с которыми он, без сомнения, был знаком (см. Болотов I: 128; IV: 538), но вряд ли мог взять за образец при написании своих воспоминаний.

Обращение к собственной памяти во многом стало побудительной причиной к началу работы Болотова над мемуарами: он отмечает, что начал в 1789 году этот труд, “покуда все происшествия, а особливо бывшие в малолетстве, были еще довольно мне памяты и не позабыты” (Болотов IV: 506). Временная дистанция между созданием мемуарного текста и описываемыми “происшествиями” всегда остава-

² В специальных работах, посвященных библиотеке Болотова, упоминается только *Примечательный год моей жизни* А. Коцебу, опубликованный в 1802 году (Глаголева 1987: 87; Глаголева 1988: 152).

лась значительной. Вплоть до датированной 1809 годом 19-й части (события 1777–1780 годов) эта дистанция обычно колеблется в пределах 30–40 лет. Позднее она несколько сократилась, но никогда не была меньше 20 лет. Время написания последних частей мемуаров обычно отстоит от событий, которым они посвящены, на четверть столетия. Собственно припоминания имели неодинаковое значение на различных этапах работы над мемуарами. Сам Болотов указывает, что важными материалами для мемуаров были его дневниковые записи, к непрерывному ведению которых он также приступил с 1789 года (Болотов IV: 495), причем, дневники 1790-х годов даже выступали в роли “продолжения жизнеописания”³. При сопоставлении мемуаров и дневников действительно выявляются обширные содержательные и текстуальные заимствования, что, с одной стороны, представляется вполне

³ Представление о том, что в основе мемуаров Болотова находятся его дневники, можно охарактеризовать как общепринятое (см., например, Тартаковский 1991: 66–67). Подробнее о дневниках 1790-х годов и их соотношении с текстом болотовских мемуаров см.: Веселова, Милютин 2020: 169.

естественным, с другой – демонстрирует определенную особенность авторского стиля Болотова, стремившегося не только к максимально точному воспроизведению событий своей жизни, но и (с определенного времени) сознательно создающего документальную основу для мемуарного текста. Показательна сделанная им в 1802 году оценка ранее написанных мемуаров как слишком кратких, содержащаяся в предисловии к своеобразному юбилейному дневнику 65-го года жизни, который был стилизован под мемуары (благодаря эпистолярной форме) и велся параллельно с обычными дневниковыми записями (см. РО ИРЛИ, ф. 537, ед. хр. 1, л. 2–3 об.) Интересно, что именно в 1802 году была написана 12-я часть воспоминаний, посвященная событиям 1766–1769 годов. Перед началом этой части содержится информация о том, что Болотов стал регулярно вести дневниковые записи еще с 1766 года (Болотов II: 610), которая подтверждается и сохранившимся текстом дневника этого года (см. НИОР РГБ, ф. 475, карт. 1.2). Болотов оценивает значение этого факта для работы над мемуарами следующим образом: “из них, как из достовернейших источников,

могу я почерпнуть уже более и рассказывать обо всем не по одной памяти, как прежде, но с лучшим обо всем основанием и достоверностию” (Болотов II: 610–611). Сохранились также дневниковые записи 1770 (см. ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 3), 1772 (НИОР РГБ, ф. 475, карт. 1.3) и 1773 годов (см. НИОР РГБ, ф. 475, карт. 1.4). Принимая во внимание замечательную, но все же далеко не полную сохранность болотовского рукописного наследия, наличие пробелов в дневниках не приходится удивляться. Таким образом, оценивая значимость припоминаний в болотовских мемуарах, можно распределить *Жизнь и приключения* на три больших отдела: 1) написанные до 1802 года части 1–11 (описывающие события до 1766 года), в которых припоминания играют наиболее значительную роль; 2) написанные в 1802–1810 годах части 12–24 (события 1766–1789 годов), в которых роль припоминаний снизилась, прежде всего, благодаря использованию дневниковых записей; 3) написанные после 1810 года части (события 1789–1805 годов), в которых значение припоминаний еще более сократилось по причине как сознательной установки автора на

опору на документальные свидетельства, так и наличия дневниковых записей, изначально составлявших в качестве продолжения мемуаров.

Эту схему, впрочем, не следует абсолютизировать. Описывая в одном из последних писем 16-й части (датирована 1808 годом) события конца 1774 года, Болотов отмечает, что дневники за следующие годы погибли во время пожара 1782 года:

при последующем повествовании по необходимости принужден я воспринимать прибежище свое к единой своей памяти и к малому числу оставшихся кое-каких бумаг [...] Но как и первая по многопрошедшему и тридцатипятилетнему времени весьма уже ослабла и не в состоянии мне всего бывшего во всей подробности напомнить, то натурально и должен я буду довольствоваться тем, что могу только вспомнить, и что мог только я отыскать в помянутых немногих, оставшихся от пожара, бумагах и других письменных документах, и

говорить обо всем коротче и без наблюдения иногда порядка времени в самой точности (Болотов III: 334–335).

Замечательно, однако, что последующие *бездневниковые* 17–20 части, доводящие жизнеописание до 1782 года, существенно не отличаются от других частей, выделенных нами во 2-й *отдел*, ни по объему, ни по величине описываемых хронологических отрезков, ни по скорости их написания.

Зато степень хронологической точности мемуаров практически всегда позволяет отделить ту часть воспоминаний, в основе которой лежат припоминания, от текста, опирающегося на документальные источники. Хронология является в болотовских мемуарах строгой схемой, на которую накладываются многочисленные автобиографические рассказы и сведения. Материал изложен в четкой хронологической последовательности, в соответствии с которой Болотову приходилось распределять сюжеты своих воспоминаний. Наиболее актуальной эта задача была в тех частях мемуаров, в которых описывались детство и молодость их автора, а ее решению способствовала весьма мобильная жизнь

Болотова того времени. Начиная с трехлетнего возраста, он лишь в редких случаях не переезжал (с семьей, с полком, к местам обучения) в течение года с места на место. Эти переезды становились хронологическими ориентирами, делаящими жизнь Болотова на отдельные периоды, а сюжеты воспоминаний, как правило, привязывались им к месту нахождения. Обычно каждому такому периоду посвящено отдельное письмо или несколько писем.

Для распределения событий внутри периодов Болотов стабильно использует собственную систему: осенью ориентиром служит его день рождения (7 октября), весной – Пасха и Святая неделя; соответственно, удаленные в ту или иную сторону от них события маркируются как *зимние* или *летние*, что позволяет автору разделить припоминаемые сюжеты по сезонам. Принципиально не доверять той хронологии детства и молодости Болотова, которую он приводит в мемуарах, нет оснований, хотя следует учитывать, что документальных свидетельств, с помощью которых можно было бы подвергнуть проверке приводимые им данные, очень немного. С другой стороны, Болотов сообща-

ет точные даты в случае припоминания крайне редко: замужества сестер, смерти отца и матери (Болотов I: 38, 46, 119, 186), в остальном это почти всегда даты церковных (часто храмовых) праздников.

Одним из немногих исключений из этого правила в первых и частях мемуаров является рассказ (в 36–55 письмах) об участии Болотова в заграничных походах русской армии 1757 – начала 1758 года⁴. Указание множества точных календарных дат событий, а также массы сложных для запоминания подробностей, связанных с театром военных действий (польско-литовских и немецких топонимов, рядовых происшествий походной жизни) свидетельствует о наличии документальной основы данного текста. В качестве такой основы выступало первое в жизни Болотова обращение к жанру дневниковых записей. Болотов сообщает о нем при рассказе о выступлении своего полка с зимних квартир в прусский поход весной 1757 года: “Могу сказать, что я доволен ныне тем, что я догадался тогда вести походу

⁴ В этих письмах содержатся также рассуждения Болотова об общем ходе Семилетней войны, имеющие отличное от собственно мемуарных текстов происхождение.

нашему короткий журнал и записку, почему и описать его, при вспоможении памяти своей, могу я обстоятельно” (Болотов I: 407). Хотя эта *Записка походу нашему* не сохранилась, можно с уверенностью говорить о том, что именно она легла в основу описания действий тех частей русской армии в Семилетней войне, участником которых был Болотов. Отдельные подробности этой части болотовских мемуаров находят подтверждение в документальных источниках по истории Семилетней войны⁵, причем свидетельствуют о высокой добросовестности Болотова: периодически встречаются оговорки вроде “местечка, которого звания я не мог тогда узнать” (Болотов I: 458) или обстоятельства, в достоверности которого автор сомневается: “подлинно ли сие так было, того истинно не знаю, ибо маленькому такому человеку, каковым был я, и знать было не можно” (Болотов I: 520).

⁵ См., главным образом у Д. Ф. Масловского, который при всей критичности к Болотову как личности и к его оценкам, отдает должное ему как аккуратному очевидцу событий, при которых он присутствовал (Масловский 1886: 34–49; Масловский 1888: 71–75).

Одним из наиболее интересных в плане припоминания отдаленных по времени событий стал кенигсбергский этап биографии Болотова. Чередуясь с очерком об истории Семилетней войны, рассказ о пребывании в Кенигсберге занимает весьма значительное место в общем объеме первых частей мемуаров (5–8 части), и в основном описание этого, важнейшего в мировоззренческом и служебном плане периода, делалось Болотовым по памяти. В Кенигсберге Болотов первый раз в сознательной жизни задержался на продолжительный срок (почти на четыре года) на одном месте. В мемуарах он активно использует привычные хронологические ориентиры: постоянно задействуется система распределения событий по сезонам, особое внимание уделяется переезду с квартиры на квартиру (всего он поменял четыре адреса), а также употребляет новые (в частности, важными вехами были смены губернаторов). Особенностью этой части мемуаров является то, что многие события, упоминаемые Болотовым, нашли отражение в документальных источниках, особенно в бумагах Кенигсбергской канцелярии (см. РГАДА, ф. 25, оп. 1). Из их сопоставления можно

вновь сделать вывод о высокой степени достоверности сведений, приводимых Болотовым по памяти. Например, он не указывает точной даты прибытия в Кенигсберг губернатора Н. А. Корфа, которое состоялось 30.06.1758 (см. РГАДА, ф. 25, оп. 1, д. 9, л. 6), но подробно описывает предшествующие этому события, увязывая их с летней ярмаркой в Кенигсберге, продолжавшейся до Петрова дня (29 июня) 1758 года (Болотов I: 717–726). Всего путем сопоставления с документальными источниками, недоступными Болотову при написании мемуаров, выявляется несколько десятков верно (хотя, в основном, приблизительно) датированных событий, относящихся к кенигсбергской части его воспоминаний.

Однако степень точности памяти Болотова не следует и переоценивать. В условиях относительной стабильности его кенигсбергской жизни, в насыщенное, между тем, происшествиями военное время, сложности при соотношении упоминаемых событий с абсолютной хронологией для автора мемуаров, несомненно, были значительными. Наиболее существенные из хронологических ошибок в этой части мемуаров связаны со време-

нем прибытия в Кенигсберг архимандритов, руководивших местной православной миссией⁶; исправлением знамен русской армии⁷; проездом через Кенигсберг нового испанского посла⁸. Хотя Болотов был свидетелем всех этих событий, они занимают второстепенное место в его мемуарах при описании значимых для кенигсбергского общества происшествий. Кроме того, и в этих случаях Болотов верно передает отдельные фактические подробности, допуская лишь хронологические ошибки.

Только один относительно небольшой отрывок из воспоминаний Болотова о кенигсбергской жизни выделяется значительным числом точных хронологических указаний:

⁶ Архимандрит Ефрем приехал в Кенигсберг не летом 1759 года (Болотов I: 899), а летом 1760 года; Тихон сменил его не осенью 1760 года (Болотов I: 1000), а в начале 1761 года См., например, *Экстракт о бывшем в Кенигсберге архимандрите Ефреме* (см. РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1995, л. 58–60 об.)

⁷ Согласно мемуарам, оно состоялась весной 1760 года (Болотов I: 975–976), а по документам (см. РГАДА, ф. 25, оп. 1, д. 257) произошло на год раньше.

⁸ Маркиз де Альмодовар проехал через Кенигсберг в Россию не в начале 1760 года (см. Болотов I: 952–953), а летом 1761 года (см. Анисимов 2014: 49).

описание событий конца 1760 – начала 1761 года (см. Болотов II: 30–47), которое также явно имеет документальную основу. На это указывает и сам Болотов, упоминая о “большом письме” к приятелю, из содержания которого он черпает сведения для мемуаров (см. Болотов II: 32). Речь идет о письмах Болотова к находившемуся в Мемеле флотскому офицеру Н. Е. Тулубьеву, интенсивная дружеская переписка с которым продолжалась с ноября 1760 по март 1761 года. Сохранилось 27 писем (см. Болотов 2013), написанных Болотовым в это время, и их использование при работе над мемуарами несомненно. В них обнаруживается целый ряд эмоциональных, философских и информативных переключек с текстом мемуаров, а большая часть вышеупомянутого отрывка воспоминаний совпадает с несколькими письмами к Тулубьеву текстуально.

Впрочем, для ранних частей *Жизни и приключений* этот случай, по-видимому, является уникальным. Указания на переписку с родными неоднократно появляются на страницах мемуаров, а также упоминается несколько адресатов дружеской переписки молодого Болотова (помимо Тулубьева такая переписка возникала,

в основном, при отъезде знакомых Болотова по Кенигсбергу в Россию). Каким количеством писем того времени располагал Болотов к моменту написания мемуаров, мы не знаем, но, за исключением писем к Тулубьеву, материалы переписки никак не отложились в тексте этих частей воспоминаний. Отчасти это можно объяснить редкостью переписки, связанной с несовершенством почтового сообщения, но более существенной причиной, на наш взгляд, была малая информативность писем того времени, о чем можно судить на примере нескольких сохранившихся⁹.

Любопытно, что в последующих частях интенсивность привлечения переписки в качестве источника для мемуарного текста хорошо коррелирует с активностью использования Болотовым дневниковых записок. Первая цитата из письма появляется только в 12-й части¹⁰. В дальнейшем такие цитаты периодически встре-

⁹ Написанные в 1760 году три письма Болотова к родственникам и письмо в Москву к И. Е. Челищеву (подробнее о них см. Милютин 2019: 125–127).

¹⁰ Описание “в письме к одному приятелю” условий проживания в тамбовской деревне Болотовых во время поездки туда осенью 1768 года (Болотов III: 678–680).

чаются, но начиная с 25-й части неоднократно возникают случаи, когда воспроизводимые полностью или в отрывках письма составляют основное содержание болотовских воспоминаний¹¹. Сохранность эпистолярного наследия Болотова заметно хуже, чем у дневниковых записей. Основной сохранившийся массив переписки Болотова начинается с 1796–1797 годов (главным образом, это переписка с сыном Павлом). Эти письма либо использовались Болотовым при написании поздних частей мемуаров, многие из которых были утрачены, либо выходят за хронологические рамки воспоминаний.

Регулярное использование дневников и писем для написания мемуаров, начиная с описания *первой* деревенской жизни Болотова 1760-х годов, представляется нам отражением не только проявившегося в первые годы XIX в. стремления автора к большей подробности своих воспоминаний, но и свойственного Болотову уже в молодости (как, по видимому, и некоторым другим представителям его поко-

ления российских дворян) новаторского, с его точки зрения, стремления запечатлеть свою жизнь в документальных свидетельствах, благо положение самостоятельного помещика предоставляло для этого достаточно возможностей. Собственно, одним из важнейших таких памятников должны были стать мемуары¹². Интересно в этой связи настойчивое противопоставление своей деятельности наследию предков, которое представляется Болотову крайне недостаточным. Эта мысль отчетливо формулируется им уже в *Предуведомлении* к мемуарам: “Мне во всю жизнь мою досадно было, что предки мои были так нерадивы, что не оставили после себя ни малейших письменных о себе известий” (Болотов I: 1). Подобную же сентенцию можно найти при описании Болотовым первых изменений, которые он предпринял в родовой усадьбе в Дворянинове после отставки в 1762 году: “от излишнего уважения и почтения к старине старики наши так мало и дельвали дел, и оттого так мало и оста-

¹¹ Начинается эта практика с цитирования переписки с уехавшим осенью 1789 года на службу в Петербург сыном, П. А. Болотовым (Болотов IV: 587 и далее).

¹² Ср. болотовскую *Автобиографию* 1821 года, где мемуары определяются как “памятник о всех случившихся в жизни его с ним происшествиях” (см. НИОР РГБ, ф. 475, карт. 1.1, л. 7).

вили нам после себя вещей, могущих нам припоминать оных” (Болотов II: 342).

Действительно, разнообразные артефакты, содержащие информацию о жизни Болотова или его предков, должны были играть особенно значительную роль в ранних частях воспоминаний. Однако *семейные реликвии* упоминаются крайне редко, что, по видимому, связано с их немногочисленностью. Из сохранившихся ко времени написания воспоминаний подобных предметов Болотов называет разве что оставшиеся от прадеда “резные и вызолоченные царские двери в нашей приходской церкви в селе Русятине”, которые “были его построения, как-то из надписи на них и поныне еще видно” (Болотов I: 23); “некоторые, а особливо фарфоровые вещи”, привезенные отцом Болотова из Соликамска в 1739 году (Болотов I: 32); а также семейные иконы (Болотов I: 231). Особого описания удостоивается только то из вещественного наследия предков, что было утрачено на памяти самого автора мемуаров и тем самым стало важной составляющей его личных воспоминаний. Главными примерами такого рода является “золотая медаль с цепью”,

полученная дедом Болотова, С. Г. Бакеевым за подвиг, совершенный им при Гангуте (Болотов I: 27), которая была утрачена Болотовым в 1757 году во время похода по Пруссии, чему посвящено отдельное упоминание (Болотов I: 488), а также старинный усадебный дом в Дворянинове, вместо которого в 1769 году Болотовым был построен новый; дом подробно описан, а также зарисован в двух проекциях с приложением плана (Болотов I: 154).

Несколько иное отношение наблюдается к памяти о материальных свидетельствах детства и молодости самого Андрея Тимофеевича. Подавляющее большинство из них также не сохранилось ко времени написания мемуаров, будучи утраченным при бесконечных переездах. Исключением, вероятно, были отдельные предметы, связанные с жизнью в Дворянинове, где Болотов в совокупности провел всего два с половиной года своей сознательной жизни в юности. Впрочем, несмотря на то, что этому периоду деревенской жизни посвящено пять писем (15–16, 21–23), в основном они содержат бытовые и морализаторские рассказы о событиях и вещах, по собственному замечанию автора,

“не составляющих дальней важности” (Болотов I: 249). Специального описания в ранних частях мемуаров удастаиваются только те вещи, которые свидетельствуют о развитии представляющихся автору существенными свойств его личности. В качестве примера можно привести опыты Болотова на поприще конструирования: изготовление “прошпектевического ящика” (Болотов I: 685–686), миниатюрного фонтана (Болотов I: 865–869) или землемерной астролябии (Болотов II: 440–441) становятся основой для подробных рассказов. Эти истории также относятся преимущественно к тем вещам, которые в дальнейшем, скорее всего, были утрачены. Так, изготовление первой, пусть и весьма несовершенной (по оценке самого Болотова), землемерной астролябии в 1763 году описывается весьма детально, тогда как о создании гораздо более точной и совершенной астролябии в 1766 году, которая затем служила Болотову для многочисленных землемерных работ, в мемуарах лишь кратко упоминается, впрочем, тут же сообщается, что она была впоследствии подробно описана и зарисована в издававшемся Бо-

лотовым журнале (Болотов II: 634; ср. Болотов 1781).

В написанном после окончания первых 30 частей мемуаров тексте *Замечания для потомков при конце жизни*¹³, в котором Болотов дает общую характеристику своим склонностям, чертам характера и видам деятельности, один из первых разделов назван *Об охоте и склонности моей к разным выдумкам, мастерствам и рукоделиям* (см. ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 53, л. 87–92). В нем в хронологическом порядке (начиная с детских поделок из бересты) перечислены и в отдельных случаях кратко описаны болотовские изобретения, сделанные им на протяжении жизни. Хотя данный перечень вторичен по отношению к мемуарам (которые были к этому времени доведены до 1797 года, еще 10 частей Болотову предстояло написать), он является дополнительным важным свидетельством того, что Болотов уделял большое значение *вещной памяти* и активно использовал ее для конструирования своей автобиографии. С учетом того, что многие из этих вещей с течением време-

¹³ Находится в составе 1-й части дневниковых записок за 1819 год (см. ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 53).

ни продолжали свое существование именно в виде воспоминаний, такого рода артефакты при написании мемуаров занимали промежуточное положение между личными припоминаниями и документальными свидетельствами.

Наблюдения над инструментами памяти Болотова можно продолжить, следуя за *Замечаниями для потомков при конце жизни*. Изобретательскому разделу в нем предшествует очерк *Об охоте моей к рисованию* (см. ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 53, л. 83–86 об.). Хотя Болотов и указывает, что специально не учился этому предмету, но в мемуарах все случаи обучения рисованию в детские годы особо отмечены (Болотов I: 46–47, 82–83, 109). Во время юношеских пребываний в Дворянинове Болотов даже завел специальную рисовальную комнату и с большими подробностями рассказывает в воспоминаниях о своих занятиях художествами (Болотов I: 150–151, 160, 228–229). Сомнительно, чтобы что-то из тех работ сохранилось до времени написания мемуаров, да и сам автор весьма критически отзываясь об этом творчестве: “признаться надобно, что все сие бесчисленное множество картин не стоило и одной хорошей, а составляло не что

иное, как единое гвазданье” (Болотов I: 236). Болотов охотно вспоминает о случаях, когда его рисовальные способности находили себе применение, будь то “разрисование одного ларчика”, которое он сделал в 13-летнем возрасте по просьбе родственницы в Петербурге (Болотов I: 181), украшение ротной улицы своего полка в рижском лагере (Болотов I: 366–367), рисунки для штемпелей русских монет, которые чеканились на монетном дворе Кенигсберга (Болотов I: 899–900), надзор за работой немецких живописцев, обновляющих полковые знамена для русской армии (Болотов I: 975–976) или изготовление эскиза миниатюры с ордена св. Анны для губернатора В. И. Суворова (Болотов II: 48–52).

Но особенно подробно и эмоционально Болотов описывает рисование видов с помощью камеры-обскуры, с которым он впервые познакомился в Торуни весной 1758 года (Болотов I: 652–653), а затем широко практиковал во время своего пребывания в Кенигсберге. Судя по всему, значительная часть его упоминаний о занятии рисованием в это время относится именно к такому виду деятельности, причем для лучшей передачи цве-

та Болотов специально консультировался с одним из кенигсбергских умельцев в области оптики (Болотов I: 686—687). Болотов как раскрашивал специально купленные для этого картины, изображающие виды различных уголков Европы, так и сам зарисовывал кенигсбергские улицы и достопримечательности. Таких рисунков к моменту отъезда из Кенигсберга у него должно было накопиться изрядно, причем некоторая их часть несомненно сохранялась им и позднее. Описывая свой первый опыт такого рода, он отмечает, что сразу после приобретения камеры-обскуры “не преминул тотчас, пользуясь сим инструментом, срисовать вид той улицы, которая видна была у меня из окон. Сия проспективическая картина цела у меня еще и поныне, и я храню ее, как некакой памятник тогдашнего времени” (Болотов I: 688). Вероятно, именно благодаря этим картинам описания столицы Восточной Пруссии у Болотова отличаются живостью впечатлений и многочисленными подробностями. О том, в каком виде Болотов сохранял свои рисунки ко времени написания мемуаров, свидетельствует его замечание, что в 1785 году “получила

основание свое та большая книга с эстампами, которая и поныне увеселяет многих [...] ибо как накопилось у меня множество всяких эстампов и картинок, то вздумалось мне велеть переплетчику нашему переплести из белой бумаги большую и толстую книгу, в которую потом и вклеил я все тогда бывшая у меня картинки и эстампы” (Болотов IV: 68).

К сожалению, этот альбом, как и подавляющее большинство живописных произведений Болотова¹⁴, не сохранился до нашего времени, и о значении живописных образов для конструирования мемуарного текста можно судить лишь предположительно. Весьма показательной, на наш взгляд, является попытка Болотова проиллюстрировать свои мемуары сюжетными миниатюрами, выполненными каран-

¹⁴ Помимо рисунков Болотов был автором немалого числа картин, которые украшали стены его усадебного дома: “Мысль, что потомкам и внукам моим послужат они памятником моих трудов и охоты до рисованья, меня утешала и вкупе доказывала, что охота сия была во мне природная и господствующая даже страстью” (ОР РНБ. Ф. 89, Ед. хр. 53, Л. 61 об.) Об их жанре можно судить по замечанию Болотова, что преимущественно он любил “ландшафтную живопись” (Там же. Л. 86 об.).

дашом и тушью, а также отдельными цветными иллюстрациями. В основном, эти рисунки содержатся в тексте первых четырех частей мемуаров¹⁵, посвященных *докенигсбергскому* этапу жизни Болотова, от которого ко времени составления воспоминаний у него не было изображений (или их качество признавалось Болотовым неудовлетворительным). Будучи инструментом памяти, болотовские рисунки редко становятся объектом воспоминаний. Как и в случае с вещами, довольно подробно описываются именно первые и утраченные образцы. Так что читатель мемуаров получает большее представление о детском “гвазданьи” Болотова, нежели о его зрелом живописном творчестве. К такому роду воспоминаний относятся и сразу несколько историй, связанных с живописной книгой о Богородицке¹⁶, о которой предоставляется довольно много информации, поскольку она стала самым ярким примером раннего живописного творчества сына автора мемуаров, и

расставание с ней произошло при весьма примечательных обстоятельствах: будучи преподнесенной Екатерине II в 1787 году, книга эта навсегда пропала из поля зрения Болотова (Болотов IV: 170).

Впрочем, не вещи или рисунки нужно поставить на первое место среди инструментов памяти, с помощью которых Болотов создавал свои мемуары. Первые три раздела *Замечаний для потомков при конце жизни* посвящены прочитанным им книгам, собственным сочинениям и писательской деятельности (см. ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 53, л. 62–82 об.). Чтение и перевод как важнейшие составляющие образования, самообразования и воспитания личности постоянно появляются на страницах воспоминаний, причем оцениваются не столько литературные, педагогические или научные особенности прочитанных книг (хотя подобный жанр также был не чужд Болотову), сколько влияние, которое они оказали на автора мемуаров. Воспоминание о прочитанном регулярно становится основой для развернутых рассказов и морализаторских сентенций, будь то рассуждение об особенностях изучения иностранных языков, о пользе от чтения для

¹⁵ Подробнее см.: Веселова, Милютин 2020: 173–174.

¹⁶ Содержатся в 226–230 письмах. Сохранился предшествующий ей *Богородицкий альбом* (см. ОИИ ГИМ. Инв. 76434 и VII 1304).

молодых людей как предохранения от праздности или о практическом значении философии. Как и в других случаях, степень детализации таких воспоминаний оказывается весьма впечатляющей, хотя содержательно они часто ограничиваются почти исключительно упоминанием о книге. В таком контексте появляются на страницах мемуаров многие персонажи, например, бедный лифляндский мызник Миллер оказывается значим тем, что именно он порекомендовал Болотову роман *Английский философ* (Болотов I: 378--379), который тот затем не только с удовольствием прочел, но и частично перевел¹⁷; а однополчанин Барыков единственный раз упомянут в связи с тем, что из-за него пропал первый перевод Болотова с французского: названия книги Болотов уже не помнил, но не преминул сообщить: "Мне и поныне жаль, что у меня пропал сей перевод. Без всякого сомнения, был он весьма еще не совершен и недостаточен" (Болотов I: 112).

¹⁷ *Аглицкой философ, или история господина Клевеланда, побочного сына Кромвелова, им самим описанная.* Книга 1 (см. НИОР РГБ, ф. 475, карт. 6.6).

Всего в первых 11 частях мемуаров Болотова упомянуто около сотни русских, немецких и французских книг, брошюр, пьес, рукописных списков и переводов, прекрасно характеризующих круг его чтения. Значительная часть прочитанных в юности книг была в распоряжении Болотова и в период написания мемуаров. Относясь к книгам как к величайшей драгоценности, Болотов собирал их на протяжении всей жизни и, несмотря на отдельные потери¹⁸, был обладателем обширной библиотеки, которая в 1790 году насчитывала уже более трех тысяч томов (Болотов IV: 764). Первоосновой для этой библиотеки стали книги, собранные в Кенигсберге, которые были отправлены Болотовым в Россию в конце 1761 года (Болотов II: 69--72). Сохранность кенигсбергского собрания подтверждается не только воспоминаниями, но и позднейшими списками книг из библиотеки Болотова, в которых обнаруживаются книги с соответствующими пометами, например, "Königsberg 1760" на *Разговорах о красоте природы* И. Г. Зульцера (см. СПФ АРАН, ф.

¹⁸ Большой урон нанесли два пожара в Богородицке, в 1782 и 1787 годах (см. Болотов III: 1046--1047; IV: 121--122).

208, оп. 4, ед. хр. ш, л. 2), о приобретении которой в 1759 году Болотов пишет в мемуарах (см. Болотов I: 862). Впрочем, в своей библиотеке Болотов сохранял и те книги, которые оказались в его руках в значительно более раннее время. Примерами могут быть немецкие и французские словари И. Л. Фриша 1739 года и грамматика Ж. Р. Пеплие и К. Бюффье 1747 года (см. Глаголева 1987: 82–83). Повидимому, об обучении по этим книгам вспоминает Болотов, когда пишет в мемуарах о том, что при начале изучения немецкого языка в 1747–1748 годах его “мучали вокабулами” (Болотов I: 54, 64, 71) и о самостоятельном “твержении грамматик” в Дворянинове в 1750–1751 годах (Болотов I: 151, 160).

Тем более бережно относился Болотов к своему собственному рукописному наследию. Сохранилось около 10 рукописей Болотова, которые были написаны до середины 1760-х годов. Все они упомянуты в мемуарах с описанием времени и обстоятельств их появления на свет. В том числе и первая по времени болотовская рукопись¹⁹, которая хотя

¹⁹ *Приемы циркуля и линейки*. 1753 (см. ОР РНБ, ф. 536, ед. хр. 2131 (Q.

и представляла собой переписанные Болотовым учебные тетради его дяди, но получила вполне книжное оформление – твердый переплет, владельческую надпись, номер в общем собрании библиотеки – и даже содержит целый ряд рисунков, позволяющих судить о художественных способностях юного Болотова.

Как воспоминания о прочитанных прежде книгах, так и сами они, окружающие работающего над мемуарами Болотова²⁰, несомненно оказали огромное влияние на текст его жизнеописания. Сложно привести какой-либо из отрезков жизни Болотова, при описании которого он не упоминал бы новой приобретенной или прочитанной им книги, либо сделанного им перевода или собственного сочинения. Таким образом, книги не только формировали сюжетную составляющую мемуаров, но и становились вехами биографии их автора, к которым Болотов мог непосредственно обратиться при написании воспоминаний.

365)). О ее написании см. рассказ в мемуарах (Болотов I: 233–234).

²⁰ Как на известном портрете Болотова, помещенном на фронтиспise 1-й части мемуаров (см. ОР РНБ, ф. 89, ед. хр. 1, также Болотов I).

Вещи, рисунки и книги стали важной основой для создания многих сюжетов мемуаров Болотова. Однако в них (прежде всего, в первых и частях) обнаруживается немало рассказов, не основанных на очевидных инструментах памяти, помимо собственно припоминаний. Обычно они имеют вид беллетризованных новелл, подчас содержащих многочисленные подробности, необходимые для раскрытия сюжета, усиления интереса читателя и моральных выводов, но почти лишенных точных указаний на время событий, названия местностей и имена действующих лиц, особенно второстепенных, большинства из которых Болотов просто не помнил, а иногда приводил их ошибочные варианты. Возможность проверки фактической информации из таких рассказов современным комментатором болотовских мемуаров весьма ограничена, но в тех случаях, когда эта возможность возникает, сопоставление мемуарных новелл Болотова с документальными материалами позволяет в очередной раз сделать вывод о блестящей памяти автора мемуаров и высоком уровне достоверности его воспоминаний (см. Веселова, Милютин 2019).

Помимо индивидуальных свойств памяти, возможности которой у Болотова все-таки имели свои ограничения, объяснить эту особенность его мемуарных новелл, на наш взгляд, можно двумя обстоятельствами. Во-первых, это сознательное неприятие вымысла в мемуарах, а, возможно, и неспособность к созданию вымышленной реальности (см. Веселова, Милютин 2019: 410). Во-вторых, длительная устная трансляция рассказов, которые в итоге оказались записанными в качестве мемуарных новелл. По воспоминаниям людей, лично знавших Болотова, он был отличным рассказчиком (см. Болотов 1873: 748–749) и несомненно на всех этапах жизни стремился поддерживать высокий уровень светской и дружеской коммуникации. Об интенсивности общения Болотова после выхода в отставку с военной службы наглядно свидетельствует, например, сделанный им самим подсчет визитов к родственникам и соседям в дневнике 1766 года: за год Болотовы принимали у себя гостей в общей сложности 91 день, а в гостях и на выездах были 97 дней (см. НИОР РГБ, ф. 475, карт. 1.2, л. 98). То, что рассказы о “любопытных и достойных примечания” проис-

шествиях из жизни Болотова, к тому же часто связанных с важными событиями в жизни всей страны, многократно становились в ходе таких визитов темой для разговоров, вполне естественно, причем, это нередко происходило вскоре после самих событий (до некоторой степени светское общение, по-видимому, компенсировало неразвитость частной переписки того времени). Например, очень живо Болотов описывает атмосферу общения со своими знакомыми по службе после приезда из Кенигсберга в Петербург в начале 1762 года, когда даже его начальник, Корф, имел с ним “предлинный разговор” о кенигсбергских новостях (Болотов II: 154–155, 158–160). Не менее естественным выглядит сообщение Болотова о том, что по приезде летом того же года в псковское имение сестры он “принужден был как

родным своим, так и приезжавшим к ним соседям все, что знал и самолично видел, рассказывать” о последних петербургских происшествиях (Болотов II: 269–270). А еще через месяц Болотов встретил в пути однополчанина, так же, как и он, вышедшего в отставку и возвращавшегося в родную деревню: “Мы обрадовались неведомо как, друг друга узнавши, и, севши к нему в повозку, не могли довольно наговориться. Он расспрашивал обо всем меня, а я таким же образом расспрашивал его” (Болотов II: 294).

Представляется, что именно в это время могли сформироваться многие устные рассказы, которые через 30–40 лет были записаны в мемуарах.

Список сокращений

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОИИ ГИМ – Отдел изобразительных искусств Государственного исторического музея

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Библиография

Анисимов 2014: М. Анисимов, *Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг.*, Москва, Товарищество научных изданий КМК, 2014.

Болотов I–IV: А. Болотов, *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков*. Т. I–IV, Санкт-Петербург, печатня В. Головина, типография В. Балашева, 1870–1873.

Болотов 1781: А. Болотов, *О новоизобретенной особливаго рода домашней Астролябии*, «Экономический магазин», 1781, II, 7, с. 289–297.

Болотов 2013: *Письма А.Т. Болотова к Н.Е. Тулубьеву (1760–1761)*. Публикация А.Ю. Веселовой // Т. Царькова (ред.), *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2012 год*, Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 2013, с. 293–396.

Болотов 1873: М. Болотов, *Андрей Тимофеевич Болотов: жизнь его с 1796 по 1833 г.*, «Русская Старина», 1873, IV, 8, с. 738–753.

Веселова 2002: А. Веселова, *А.Т. Болотов и П.З. Хомяков. Роман или мемуары?* // Н. Кочеткова (ред.), *XVIII век. Сборник 22*, Санкт-Петербург, Наука, 2002, с. 190–199.

Веселова, Милютин 2019: А. Веселова, М. Милютин, *«История графа Гревена» в мемуарах А.Т. Болотова: исторический контекст и литературная обработка* // *Литературная культура России XVIII века. Выпуск 8*, П. Бухаркин, Е. Матвеев (ред.), Санкт-Петербург, Геликон Плюс, 2019, с. 387–413.

Веселова, Милютин 2020: А. Веселова, М. Милютин, *Мемуары А.Т. Болотова: история создания*, «Русская литература», 2020, LXIII, 3, с. 165–182.

Глаголева 1987: О. Глаголева, *Библиотека А.Т. Болотова // Книга в России XVI – середины XIX вв.: Книгораспространение, библиотеки, читатель*, А. Зайцева (ред.), Ленинград, БАН СССР, 1987, с. 79–95.

Глаголева 1988: О. Глаголева, *А.Т. Болотов как читатель // Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения*, М. Кукушкина (ред.), Ленинград, БАН СССР, 1988, с. 140–158.

Масловский 1886: Д. Масловский, *Русская армия в Семилетнюю войну*. Вып. 1. Приложения, Москва, Типография Окружного штаба, 1886.

Масловский 1886: Д. Масловский, *Русская армия в Семилетнюю войну*. Вып. 2. Приложения, Москва, Типография штаба войск Московского военного округа, 1888.

Милютин 2019: М. Милютин, *Между Россией и Пруссией: трансграничные взаимодействия и информационное пространство в Восточной Пруссии в годы Семилетней войны по воспоминаниям А. Т. Болотова // Таможенная и пограничная политика в культурно-коммуникационном контексте: история и современность*, И. Ермаченко, А. Соломеин (ред.), Санкт-Петербург, РИО Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии, 2019, с. 117–128.

Тартаковский 1991: А. Тартаковский, *Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.*, Москва, Наука, 1991.